

OSHO

IN LOVE WITH LIFE

Reflections on Friedrich Nietzsche's
Thus Spake Zarathustra

ОШНО

ВЛЮБЛЕННЫЙ В ЖИЗНЬ

Размышления о «Заратустре»
Фридриха Ницше

УДК 141.339(520)

ББК 87.3

О-96

Перевод с английского Р. Черевко

Ошо

О-96 Влюбленный в жизнь: Размышления о «Заратустре» Фридриха Ницше / Перев. с англ. — М.: ООО Книжное издательство «София», 2015. — 224 с.

ISBN 978-5-906749-90-1

Персидский пророк Заратустра (Зороастр) основал одну из главных религий Древнего Востока. Немецкий мыслитель Фридрих Ницше выбрал Заратустру в качестве рупора созданной им новой «философии жизни». В этой книге Ошо увлекательно комментирует мир Ницше и Заратустры, в котором человек радуется жизни, а не отрекается от нее и абсолютно свободен в выборе своего пути. Встреча трех великих мистиков разных времен обещает читателю захватывающее путешествие к вершинам духа.

УДК 141.339(520)

ББК 87.3

Copyright © 1987, 2013 OSHO International Foundation, Switzerland.
www.osho.com/copyrights

Эта книга состоит из избранных глав серии двух бесед Ошо с аудиторией: Zarathustra: A God That Can Dance, #1, 2, 7, 9, 21 и Zarathustra: The Laughing Prophet, #3, 5, 8, 14, 23. Все беседы Ошо были опубликованы в виде книг, а также доступны в виде оригинальных аудиозаписей. Аудиозаписи и полные тексты архивов можно посмотреть в онлайн-библиотеке Ошо: www.osho.com

OSHO — зарегистрированная торговая марка Osho International Foundation, www.osho.com/trademark

Более детальная информация:
www.OSHO.com

<http://OSHO.com/AllAboutOSHO>

<http://OSHO.com/Resort>

<http://OSHO.com/Shop>

<http://www.youtube.com/OSHOinternational>

<http://www.Twitter.com/OSHO>

<http://www.facebook.com/pages/OSHO.International>

OSHO International Foundation:

www.osho.com/oshointernational,

oshointernational@oshointernational.com

ISBN 978-5-906749-90-1 © ООО Книжное издательство «София», 2015

Содержание

<i>Предисловие</i>	6
<i>Глава 1. Встреча Будды и Зорбы возможна</i>	9
<i>Глава 2. Мудрость дает подлинную свободу</i>	29
<i>Глава 3. Верблюд, лев и ребенок</i>	50
<i>Глава 4. Любовь — танец твоей жизни</i>	72
<i>Глава 5. Бесконечная возможность радоваться</i>	100
<i>Глава 6. Знание — дешево, познание — дорого</i>	118
<i>Глава 7. Восстание — единственная надежда</i>	141
<i>Глава 8. Человек есть становление</i>	163
<i>Глава 9. Восхождение к вершинам</i>	185
<i>Глава 10. Серьезность — это грех</i>	204
<i>Об авторе</i>	220
<i>Международный центр медитаций Ошо</i>	221

ПРЕДИСЛОВИЕ

Быть неправильно понятым — судьба гения. Если Гений не был неправильно понят — значит, он и вовсе не гений. Если простой народ тебя понимает — значит, твоя речь соответствует уровню обычного интеллекта.

Фридриха Ницше понимали неправильно, и это привело к ужасной катастрофе. Но, возможно, это было неизбежным. Чтобы понять такого человека, как Ницше, необходимо иметь как минимум такой же стандарт сознания, если не более высокий.

Адольф Гитлер был настолько умственно отсталым, что невозможно и подумать, чтобы он мог понять смысл Ницше; однако он стал пророком философии последнего. Он интерпретировал ее согласно своему слабому уму — не только интерпретировал, но и действовал в соответствии с этой интерпретацией, — и результатом стала Вторая мировая война. Когда Ницше говорит о «воле к власти», это не имеет ничего общего с волей к доминированию. Однако такое значение этому придали нацисты.

«Воля к власти» диаметрально противоположна воле к доминированию. Воля к доминированию возникает из-за комплекса неполноценности. Человек хочет доминировать над другими только для того, чтобы доказать себе, что он не неполноценный — что он выше других. Но ему нужно это доказывать. Без доказательств он знает, что он неполноценный; ему нужно скрыть это за огромным множеством доказательств.

По-настоящему возвышенный человек не нуждается в доказательствах; он просто возвышенный. Нужно ли розе спорить о ее красоте? Должна ли полная луна беспокоиться о своем великолепии? Возвышенный человек просто знает это, ему не нужно никаких до-

казательств; поэтому у него и нет воли к доминированию. У него, безусловно, есть «воля к власти», но тут необходимо чувствовать тонкое различие. Его воля к власти означает, что он желает раскрыться полностью. Это не имеет никакого отношения к другим, но касается лишь его собственной индивидуальности. Он хочет расцвести, раскрыть все цветы, сокрытые в его потенциале, подняться как можно выше в небо. Здесь даже нет никакого сравнения, он не пытается подняться выше других — только максимально раскрыть собственный потенциал. «Воля к власти» совершенно индивидуальна. Она желает танцевать в высочайшей части неба, беседовать со звездами, но ей не нужно доказывать чью-либо неполноценность. Ей не свойственно соперничество или сравнение.

Адольф Гитлер и его последователи, нацисты, причинили миру очень много вреда, помешав ему понять истинный смысл идей Ницше. И не только их: они точно так же не поняли и множество других идей.

Такая печальная судьба не постигала ни одного великого мистика или поэта до Ницше. Распятие Иисуса или отравление Сократа было не такой уж плохой судьбой в сравнении с тем, что ожидало Фридриха Ницше, — быть непонятым настолько, что Адольф Гитлер умудрился уничтожить более восьми миллионов людей во имя Ницше и его философии. Должно пройти некоторое время... Когда Адольф Гитлер, нацисты и Вторая мировая война будут забыты, Ницше снова восстанет в своем истинном свете. Он вернется.

Но Фридрих Ницше нуждается в новой интерпретации, которая бы позволила отбросить весь тот вздор, которым нацисты покрыли его прекрасную философию.

Понимание зависит от уровня сознания человека. То, что Ницше попал в руки нацистов, было простым совпадением. Им нужна была философия войны, а Ницше ценит красоту воина. Им нужна была идея,

ради которой можно было бы сражаться, и Ницше дал им хороший предлог — сверхчеловека. Разумеется, они сразу же ухватились за идею о сверхчеловеке. Нордические германские арийцы должны были стать новой ницшеанской человеческой расой, сверхлюдьми. Они хотели доминировать над миром, и Ницше им в этом очень помогал, ведь он утверждал, что глубочайшее стремление человека — это «воля к власти». Они же заменили ее волей к доминированию.

Теперь у них была целостная философия: нордические германские арийцы — высшая раса, потому что они должны произвести на свет сверхчеловека. У них есть воля к власти, и они будут доминировать над всем миром. Такова их судьба — доминировать над низшими людьми. Очевидно, арифметика проста: высшие должны доминировать над низшими.

Такие красивые концепции... Ницше и представить бы не мог, что они станут настолько опасными, станут таким кошмаром для всего человечества. Но неправильного понимания невозможно избежать; с этим ничего не поделаешь. Когда ты что-то сказал — все в руках того, кто тебя услышал.

Тем не менее Ницше настолько важен, что его идеи нуждаются в очистке от всего того мусора, которым их покрыли нацисты.

Даже если бы Ницше не написал ничего, кроме «Заратустры», он бы оказал человечеству огромнейшую, глубочайшую услугу, какую только можно ожидать от человека, ведь Заратустра был практически забыт. Именно Ницше вернул его, дал ему новое рождение, воскресил его. «Так говорил Заратустра» — это Библия будущего.

*Ошо,
«Книги, которые я любил»*

ВСТРЕЧА БУДДЫ И ЗОРБЫ ВОЗМОЖНА

Пролог. Часть I

Когда Заратустре исполнилось тридцать лет, покинул он свою родину и озеро своей родины и пошел в горы. Здесь наслаждался он своим духом и своим уединением и в течение десяти лет не утомлялся счастьем своим. Но наконец изменилось сердце его, — и в одно утро поднялся он с зарею, стал перед солнцем и так говорил к нему:

«Великое светило! К чему свелось бы твое счастье, если б не было у тебя тех, кому ты светишь!

В течение десяти лет подымалось ты над моей пещерой: ты пресытилось бы своим светом и этой дорогою, если б не было меня, моего орла и моей змеи.

Но мы каждое утро поджидали тебя, принимали от тебя преизбыток твой и благословляли тебя.

Взгляни! Я пресытился своей мудростью, как пчела, собравшая слишком много меду; мне нужны руки, простертые ко мне.

Я хотел бы одарять и наделять до тех пор, пока мудрые среди людей не стали бы опять радоваться безумству своему, а бедные — богатству своему.

Для этого я должен спуститься вниз: как делаешь ты каждый вечер, окунаясь в море и неся свет свой на другую сторону мира, ты, богатейшее светило!

Я должен, подобно тебе, закатиться, как называют это люди, к которым хочу я спуститься.

Так благослови же меня, ты, спокойное око, без зависти взирающее даже на чрезмерно большое счастье!

Благослови чашу, готовую пролиться, чтобы золотистая влага текла из нее и несла всюду отблеск твоей отрады!

Взгляни, эта чаша хочет опять стать пустою, и Заратустра хочет опять стать человеком».

— Так начался закат Заратустры*.

Фридрих Ницше — пожалуй, величайший философ, которого когда-либо знал мир. Он велик и в другой сфере, которую многие философы просто не осознают: он прирожденный мистик.

Его философия принадлежит не только уму; ее корни — в глубинах сердца, а некоторые достигают даже самого его бытия. Ему не повезло только в том, что он родился на Западе; поэтому ему и не довелось найти какую-либо школу мистерий. Он предавался глубокому созерцанию, совершенно ничего не зная о медитации. Иногда его мысли такие же глубокие, как у медитирующего, порой их полет — как у Гаутамы Будды; но, очевидно, подобное с ним случалось спонтанно.

Он ничего не знал о путях просветления, о стезе, ведущей к собственному бытию. Из-за этого в его бытии возникало сильное смятение. Его мечты достигают звезд, однако его жизнь остается самой обычной. У нее нет той ауры, которую создает медитация. Его мысли не являются его кровью, его костями, его костным

* Цитаты из Ницше приводятся по хорошо знакомому русскоязычному читателю переводу Ю. М. Антоновского, с небольшими изменениями в тех случаях, где это необходимо для приведения в соответствие с интерпретацией Ошо. — Здесь и далее прим. перев., если не указано иначе.

мозгом. Они красивы, очень красивы, но чего-то не хватает. Не хватает самой жизни. Это мертвые слова, они не дышат, их сердце не бьется.

Но у меня есть особая причина, чтобы говорить о нем: в отличие от других философов Востока и Запада, он хотя бы задумывался о высотах человеческого сознания. Пусть даже он не испытал их; он действительно не испытал их. Он также задумывался о повторном становлении человеком: эта идея — о нисхождении с высот на базарную площадь, со звезд на землю — не приходила никому другому.

У него есть что-то от Гаутамы Будды, возможно незаметно перенесенное из прошлых жизней, и также что-то от Зорбы; но и то и другое в недостатке. Однако он — единственное доказательство того, что встреча Будды и Зорбы возможна; что тем, кто достиг высочайших вершин, не обязательно там оставаться.

На самом деле они и вовсе не должны там оставаться. У них есть долг перед человечеством; у них есть долг перед землей. Они родились среди людей, они жили в той же тьме и в тех же невзгодах. И теперь, когда они увидели свет, они обязаны вернуться, чтобы разбудить тех, кто крепко спит, чтобы принести благую весть — о том, что есть не только тьма, что бессознательность — наш собственный выбор.

Если мы решим быть осознанными, то всякая бессознательность и всякая тьма могут исчезнуть. Мы сами выбираем жизнь в темных низинах. Если мы решим жить на солнечных вершинах, то никто не сможет нам помешать, ведь это заложено в нашем потенциале.

Но люди, достигшие солнечных вершин, совершенно забывают о мире, откуда они пришли. Гаутама Будда не вернулся вниз. Не вернулся и Махавира. Даже если они пытались разбудить человечество, они кричали со своих солнечных вершин.

Человек настолько глух и слеп, что не может понять речь тех, кто пребывает в высших состояниях созна-

ния. Он слышит шум, не имеющий для него никакого смысла.

Ницше в этом смысле уникален. Он мог оставаться выдающимся, сверхчеловеческим философом, но он никогда не забывает о простом человеке. Это и делает его великим. Пусть он и не прикоснулся к наивысшим вершинам и не познал величайших мистерий, он стремится поделиться своими знаниями с другими людьми. Желание делиться у него было очень сильным.

Я решил поговорить о нескольких фрагментах, которые могут помочь вам в вашем духовном росте. Сам Ницше своим оратором избрал Заратустру. Кое-что о Заратустре тоже требует разъяснения. Из тысяч великих мистиков, философов, просветленных людей Ницше избрал своим оратором малоизвестную, почти забытую миром личность — Заратустру.

Последователи Заратустры сосредоточены в небольшом месте — в Мумбаи. Они пришли в Мумбаи из Ирана, когда магометане заставляли персов принимать ислам или готовиться к смерти. Тысячи были убиты. Миллионы обратились в ислам из страха, но некоторые смелые души бежали из Ирана и нашли пристанище в Индии.

Это мумбайские парсы — пожалуй, самая малочисленная религия мира. Поэтому удивительно, что Ницше настолько заинтересовался Заратустрой, что написал книгу — *«Так говорил Заратустра»*. Из этой книги и взяты приводимые здесь фрагменты.

Он избрал Заратустру по той же причине, что я избрал его: Заратустра — единственный жизнеутверждающий основатель религии; он не против жизни, его религия — религия торжества, благодарности существованию. Он не отрицает радости жизни и не защищает отказ от мира. Наоборот, он полностью поддерживает наслаждение миром, потому что все, кроме этой жизни и этого мира, — лишь гипотезы. Бог, рай

и ад — лишь проекции человеческого ума, а не аутентичные переживания; это — не реальность.

Заратустра родился двадцать пять веков назад, во времена, когда по всему миру происходило великое возрождение. В Индии таких же вершин пробуждения достигли Гаутама Будда, Махавира, Гошалак*, Санджай Вилетхипутта**, Аджит Кешкамбал*** и другие. В Китае — Конфуций, Мэн-цзы, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и многие другие. В Греции — Сократ, Пифагор, Гераклит. И в Иране — Заратустра.

Внезапный прилив сознания по всему миру и пробуждение множества людей — это странное совпадение. Возможно, просветление — это также цепная реакция: просветленные люди провоцируют аналогичный переворот в других.

Это заложено в потенциале каждого. Необходимо лишь побуждение, вызов. Когда ты видишь столько людей, достигающих таких прекрасных вершин благодати, ты не можешь оставаться на месте. Вдруг у тебя возникает сильный порыв: «Нужно что-то делать. Я трачу время впустую, тогда как другие достигли своего предназначения, познали все, что стоит знать, испытали величайшее блаженство и экстаз. А что делаю я? — собираю ракушки на пляже».

Среди всех этих людей Заратустра уникален. Он единственный, кто не против жизни, кто за жизнь; чей бог не находится неизвестно где, чей бог — не что иное, как другое название самой жизни. Жить во всей полноте, жить радостно и интенсивно — вот все, на чем основана его религия.

* Он же Маккхали Госала или Маскарин Гошала — основатель или один из ранних учителей движения адживика.

** Он же Санджая Белаттхипутта — древнеиндийский мыслитель, чье учение часто описывают как агностическое.

*** Он же Аджита Кесакамбала — древнеиндийский мыслитель, считающийся предшественником школы локаята.

Я чувствую глубокое сопереживание, родство с Заратустрой. Но, наверное, из-за того, что он утверждал жизнь, а не отрицал ее, ему не удалось собрать много последователей. Это одно из странных качеств человека: ничто простое он не может посчитать достойным названия его цели — цель должна быть очень сложной и труднодоступной.

За этим стоит психология эго. Эго всегда хочет чего-то невозможного, потому что только с невозможным оно может существовать. Вы никогда не сможете исполнить желание, и эго будет толкать вас ко все большему и большему: большей алчности, большей власти, большему богатству, большему самоограничению, большей духовности, большей дисциплине. Где бы вы ни встретили понятие «больше» — помните, это язык эго. Эго нельзя удовлетворить, оно всегда требует большего.

Весь подход Заратустры тот же, что и у Чжуан-цзы: «Простое — правильное. Правильное — простое». И когда вы полностью расслаблены и чувствуете себя свободно и непринужденно, настолько расслаблены, что даже забываете о непринужденности, о правильности, вы становитесь совершенно невинными, как ребенок, — это и есть цель. Но эго в этом не заинтересовано. Для эго весь этот процесс — нечто вроде самоубийства. Поэтому религии, которые ставили перед эго сложные задачи, трудные пути, неестественные идеалы, невозможные цели, привлекали миллионы людей.

Последователей Заратустры можно пересчитать по пальцам. Заратустра никого не заботил, пока спустя почти двадцать четыре века на него неожиданно не обратил внимание Ницше. Ницше был против Иисуса Христа и Гаутамы Будды, но за Заратустру.

Это очень важно понять. Человек, который был против Иисуса Христа, против Гаутамы Будды; почему он был за Заратустру? — потому что у Ницше такое

же отношение и такой же подход к жизни. Он видел, что все эти религии, великие религии, лишь увеличивают в человеке чувство вины. Порождают все больше страданий и войн, сжигают людей заживо. Говорят всевозможный вздор, который не имеет никаких доказательств, который они не могут подкрепить вообще никакими фактами. Удерживают все человечество во тьме, в слепоте, потому что их учения основаны на вере — а вера означает слепоту.

Не бывает не слепой веры. Имеющий глаза не верит в свет, он знает его. Он не нуждается в вере. Только слепой верит в свет, потому что не знает его. Вера существует за счет неведения, и все религии — за некоторыми исключениями, как в случае Заратустры и Чжуан-цзы, которым не удалось собрать много последователей или создать великую традицию, — зиждутся на вере. Другими словами, все они зиждутся на слепоте.

Ницше противостоял им символически. Символом Востока он избрал Гаутаму Будду, а символом Запада — Иисуса Христа. Он был против них по той простой причине, что они были против жизни. Они были против людей, наслаждающихся простыми вещами: людей, живущих игриво, смеясь; людей с чувством юмора вместо серьезности. Людей, любящих песни и музыку, и людей, умеющих танцевать и любить.

Заратустра привлек Ницше потому, что тот видел, что только этот человек из всех, кто жил в прошлом, не был против жизни, не был против любви и смеха.

В этих фрагментах вы увидите чрезвычайно содержательные высказывания, которые могут стать фундаментом жизнеутверждающей религии. Я всецело за жизнь. Нет ничего, ради чего можно было бы пожертвовать жизнью. Ради жизни же можно пожертвовать всем. Все может быть средством для жизни, но жизнь — цель сама по себе.

Слушайте очень внимательно, потому что Фридрих Ницше пишет чрезвычайно лаконично. Он не пи-

сатель, он создает афоризмы. Там, где кто-то мог бы написать целую книгу, Ницше напишет только один абзац. Его текст настолько лаконичен, что, слушая невнимательно, можно что-то пропустить. Его не нужно читать как роман.

Это почти как сутры Упанишад. Каждая сутра, каждая максима содержит очень много и имеет глубокий подтекст. Мне бы хотелось рассмотреть весь возможный скрытый смысл, чтобы вы не поняли Ницше неправильно, потому что он — один из наиболее непонятых философов мира. Причина неправильного его понимания как раз в его лаконичности — он ничего не объясняет, не углубляется в подробное обсуждение всего возможного подтекста.

Он — очень символический человек. Причина его символичности в том, что он был настолько исполнен новых озарений, что у него не хватало времени на объяснения. Он не мог писать трактаты, ему нужно было столько всего дать, столькоим поделиться, а жизнь так коротка.

Поскольку его работа была такой лаконичной и кристаллизованной, люди, во-первых, не понимали его. Во-вторых, если они его понимали, то понимали неправильно. В-третьих, они считали его трудным для чтения; они хотели, чтобы им все разъяснили. Ницше писал не для детей, а для зрелых людей. Но зрелость встречается очень редко — средний психологический возраст человека составляет не больше четырнадцати лет, а при таком психологическом возрасте Ницше, безусловно, не будет понят. Его не понимают как оппоненты, так и последователи, потому что и у тех, и у других одинаковый психологический возраст.

Когда Заратустре исполнилось тридцать лет, покинул он свою родину и озеро своей родины и пошел в горы.

Следует объяснить, что Гаутама Будда покинул свой дворец, когда ему было двадцать девять лет. Иисус начал проповедовать в тридцать. Заратустра в тридцать лет пошел в горы. В тридцатилетнем возрасте, или около того, есть нечто примечательное, подобно тому как в четырнадцать лет наступает половая зрелость. Традиционно продолжительность жизни приравнивалась к семидесяти годам, и те, кто внимательно наблюдал за жизнью, заметили, что каждые семь лет происходит изменение, поворот.

Первые семь лет невинны. Следующие семь лет ребенок всем интересуется, обо всем спрашивает — проявляет любопытство. Между четырнадцатью и двадцатью одним годом у него самая сильная сексуальность. Вы удивитесь, но самый пик сексуальности приходится на восемнадцать или девятнадцать лет. И человечество пыталось избежать этого периода, обеспечивая образовательные программы, колледжи, университеты — разделяя мальчиков и девочек. Это время, когда их сексуальность и их сексуальная энергия достигают наивысшей точки.

В эти семь лет, между четырнадцатью и двадцатью одним годом, они могут очень легко испытать сексуальный оргазм. Сексуальный оргазм — это мимолетный взгляд, который может вызвать у вас побуждение к поиску новых блаженных пространств. В сексуальном оргазме исчезают две вещи: исчезает ваше эго и ваш ум — и время останавливается, всего на несколько секунд.

Но это три важные вещи. Две вещи полностью исчезают: вы больше не «я» — вы есть, но отсутствует чувство эго. Ваш ум на месте, но мыслей нет, есть только глубокий покой. Вдруг, так как эго исчезает и ум останавливается, время тоже останавливается. Чтобы чувствовать время, необходимы меняющиеся мысли ума, иначе движение времени невозможно заметить.

Просто представьте два поезда, движущихся параллельно в пустом пространстве с одинаковой скоростью. Когда бы вы ни посмотрели в окно на другой поезд — в котором есть такое же окно и столько же вагонов, — вы не почувствуете, что вы передвигаетесь. И пассажиры другого поезда тоже не почувствуют, что они передвигаются.

Вы чувствуете движение, потому что, когда ваш поезд едет, деревья стоят на месте, дома стоят на месте; они не передвигаются. Появляются и исчезают станции и платформы. Поскольку по обе стороны от вас вещи статичны, вы способны чувствовать движение поезда относительно них.

Возможно, иногда вы сталкивались с очень странной вещью: ваш поезд стоит на платформе, а рядом стоит другой поезд. Ваш поезд трогается. Вы смотрите на другой поезд, и вам кажется, что он тронулся, пока вы не посмотрите на неподвижную платформу. Движение — это относительное переживание.

Когда в уме нет никаких мыслей, вы находитесь в чистом небе. Время останавливается, потому что вы не можете судить о времени без движения — вас нет, ума нет, времени нет... только невероятное умиротворение и глубокое расслабление.

Мне кажется, что именно благодаря сексуальному оргазму люди впервые получили представление о медитации. Некоторые гении могли попробовать: «Если мы можем остановить мысли, если мы можем избавиться от эго и если ум отсутствует, то время останавливается. Тогда нет необходимости ни в каком сексуальном оргазме». Можно получить то же оргазмическое переживание, которое больше не будет сексуальным, — теперь это духовное переживание.

Должно быть, сексуальный оргазм подсказал, что такой же опыт возможен без секса. Иначе люди вряд ли могли бы прийти к медитации. Медитация не является естественным явлением. Сексуальный оргазм — это

естественное явление, однако во всех обществах детям не дают его испытать. Никто ничего об этом не говорит. Это стратегия, очень опасная стратегия, преступное деяние против всего человечества, потому что дети, лишённые сексуального оргазма, не смогут почувствовать побуждение к медитации; или же их побуждение будет очень слабым, они не станут ничем ради этого рисковать.

Итак, в двадцать один год сексуальность достигает пика, если она разрешена, как она была разрешена в жизни Гаутамы Будды. Ему были доступны все красивые девушки царства; он был окружен ими, он познал глубокое переживание оргазма.

Следующие семь лет, от двадцати одного до двадцати восьми лет, человек пребывает в поиске, потому что сексуальный оргазм имеет биологическую природу. Скоро вы потеряете энергию и не сможете достигать оргазма. Кроме того, он зависит от кого-то другого, женщины, мужчины. Это разрушительно для вашей свободы; вы платите очень высокую цену. Поэтому если человек развивается естественно — если ему дают развиваться естественно — от двадцати одного до двадцати восьми лет, то он будет искать способы преодоления физиологии и биологии и сохранения способности достигать глубокого оргазмического переживания.

От двадцати восьми до тридцати пяти лет Гаутама Будда, Заратустра, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Иисус пребывали на высших планах бытия. И чтобы их не беспокоили, чтобы им не мешали люди, они уходили в горы — в уединение. Как я считаю, это не было отрицанием жизни — они просто искали тихое пространство, где их ничто бы не отвлекало и они смогли бы обрести наивысшее оргазмическое переживание. То, что Уильям Джеймс называл «океаническим оргазмом», в котором ты полностью исчезаешь в океане существования, подобно капле, падающей с лотосового листа в океан.

Поэтому тридцатилетний возраст не случаен. Все великие искатели отправлялись на поиски между двадцатью восьмью и тридцатью пятью годами. Это период поиска — поиска не телесного, а духовного.

Здесь наслаждался он своим духом и своим уединением и в течение десяти лет не утомлялся счастьем своим.

Он десять лет оставался в горах. Его уединение, тишина, умиротворение углублялись, и он был исполнен блаженства. Хотя он был один, это его не утомляло.

Но наконец изменилось сердце его, — и в одно утро поднялся он с зарею, стал перед солнцем и так говорил к нему...

Здесь Заратустра начинает новый путь. Махавира оставался в своем одиночестве. Будда оставался в своем уединении, и наблюдавшие увидели, что что-то произошло, что-то, что выходило за рамки их понимания. Эти люди преобразились. Они наполнились светом. Они излучали радость. Их окружало благоухание; они что-то познали. Их глаза обрели новую глубину, а лица засветились неведомой доселе благодатью.

Произошло едва заметное недопонимание. Наблюдавшие посчитали, что, поскольку эти люди ушли в горы, они отреклись от жизни. Поэтому отречение от жизни стало краеугольным камнем всех религий. Но они не отреклись от жизни.

Мне бы хотелось переписать историю с нуля, в частности об этих людях, потому что я знаю их по своим собственным озарениям. Меня не должны волновать факты; я знаю истину. Эти люди не были против жизни; они просто ушли в уединение, в безлюдные места, чтобы их ничто не отвлекало.

Но разница между Гаутамой Буддой и Заратустрой в том, что Гаутама Будда, познав себя, не заявил: «Мне больше не нужно быть отшельником, монахом. Я могу вернуться в мир и быть обычным человеком».

Возможно, возвращение в мир требует большей смелости, чем уход от него. Восхождение на гору трудное, но благодарное. Ты поднимаешься все выше и выше. И, когда ты достиг наивысшей вершины, нужна огромная смелость, чтобы спуститься обратно в покинутые тобою темные долины, чтобы просто принести людям послание: «Вам не нужно все время оставаться во тьме. Вам не нужно всегда оставаться в страдании и в преисподней».

Такое нисхождение даже может осуждаться теми, кому ты хочешь помочь. Когда ты поднимался в гору, ты был великим святым, а когда ты спускаешься вниз, люди думают, что, наверное, ты упал, упал со своего величия, со своей высоты. Несомненно, нужна величайшая смелость, чтобы, коснувшись наивысших вершин, вернуться к нормальности.

Заратустра проявил такую смелость. Его не беспокоит, что скажут люди, он не опасается порицания или того, что они подумают, что он упал с вершины, что он больше не святой. Его больше заботит необходимость поделиться своим опытом с теми, кто готов, кто восприимчив, кто открыт, — пусть даже таких мало.

...и в одно утро поднялся он с зарею, стал перед солнцем и так говорил к нему:

«Великое светило! К чему свелось бы твое счастье, если б не было у тебя тех, кому ты светишь!»

Это высказывание содержит глубокий подтекст. Заратустра говорит, что птицы счастливы, потому что солнце взошло. Цветы счастливы, потому что солнце взошло. Вся планета кажется счастливой, пробужден-

ной, полной энергии, исполненной надежды на день грядущий — солнце взошло.

В этом высказывании он указывает на то, что солнце тоже должно быть счастливо, потому что так много цветов расцвело, так много птиц запело. Если бы не было птиц и цветов и никто бы его не ждал, то солнце было бы грустным.

Подтекст ясен: мы все взаимосвязаны; все существование взаимосвязано. Даже мельчайшая травинка связана с величайшей звездой на небе. Но эти связи невидимы.

Известно, что если однажды солнце не взойдет, то вся жизнь на планете исчезнет. Без солнечного тепла и животворящей энергии ничто не могло бы оставаться живым. Но мистики всегда указывали и на другую возможность: если с лица земли исчезнет всякая жизнь, то и солнце перестанет восходить — для кого?

Заратустра говорит: «Я полон радости, полон мира. Теперь мне нужно, чтобы кто-то смог это принять, я отягощен. Я должен поделиться этим, иначе даже блаженство станет слишком тяжелым». Даже блаженство может стать тягостным, если им не делиться.

*Великое светило! К чему свелось бы твое счастье,
если б не было у тебя тех, кому ты светишь!*

*В течение десяти лет подымалось ты над моей
пещерой: ты пресытилось бы своим светом и этой
дорогою, если б не было меня, моего орла и моей змеи.*

У Заратустры есть два символа: орел и змея. Змея символизирует мудрость, а орел — смелость летать в неизвестном без какого-либо страха. С ним были орел и змея. Нужно быть максимально сознательным, мудрым и разумным. И также нужно быть смелым, чтобы проникнуть в неизвестное и, наконец, в непознаваемое. Прыжок в непознаваемое — это прыжок в божественность существования.

Но мы каждое утро поджидали тебя, принимали от тебя избыток твой и благословляли тебя.

То, что ты нам давало, было у тебя в избытке, его у тебя было слишком много, оно тебя отягощало. Ты хотело с кем-то им поделиться, и мы принимали избыток твоей богатой энергии, переливающей через край, и благословляли тебя за это.

Взгляни! Я пресытился своей мудростью...

Как ты пресыщаешься своим светом и хочешь с кем-то им поделиться, так и я пресытился своей мудростью — ее слишком много. Я больше не могу ее сдерживать, мне нужно найти кого-то, с кем я ею поделюсь. Я должен избавиться от бремени.

Это такое превосходное наблюдение — что даже мудрость может быть бременем. Заратустра был совершенно прав.

*...как пчела, собравшая слишком много меду;
мне нужны руки, простертые ко мне.*

Я хотел бы одарять и наделять до тех пор, пока мудрые среди людей не стали бы опять радоваться безумству своему...

Это мог сказать лишь тот, кто познал. Обычному эрудированному человеку, заимствовавшему знание, даже в голову не может прийти такая мысль.

Ницше говорит устами Заратустры: «Я иду к людям, чтобы одарять, наделять и сбрасывать тяжесть своей мудрости до тех пор, пока мудрые среди людей не стали бы опять радоваться безумству своему».

По-настоящему мудрый человек не серьезен, он игрив, потому что понимает, что все существование есть игра. По-настоящему мудрый человек может казаться немного безумным, сумасбродным, потому что

у простых людей есть фиксированное представление о мудром человеке: он должен быть серьезным, он не может быть игривым, не может смеяться, не может танцевать.

Эти вещи для глупых людей. Заратустра говорит: «Я буду одарять своей мудростью до тех пор, пока мудрые среди людей не станут настолько мудрыми, что смогут принять даже те вещи, которые простому человеку кажутся глупыми».

...а бедные — богатству своему.

Если говорить о внутреннем богатстве, то бедный не меньше одарен природой, чем богатый. Богатый слишком занят внешним миром и, вполне вероятно, не может найти время или метод для того, чтобы обратиться вовнутрь. Бедный же находится в удачном положении, он ничем не поглощен во внешнем мире, он может просто закрыть глаза и погрузиться в себя. Заратустра говорит, что мудрые должны быть настолько мудрыми, что даже глупость становится всего лишь игривостью, а бедные — настолько счастливыми, как если бы они нашли величайшее сокровище...

Для этого я должен спуститься вниз: как делаешь ты каждый вечер, окунаясь в море и неся свет свой на другую сторону мира, ты, богатейшее светило!

Я должен, подобно тебе, закатиться, как называют это люди, к которым хочу я спуститься.

Так благослови же меня, ты, спокойное око, без зависти взирающее даже на чрезмерно большое счастье!

Благослови чашу, готовую пролиться, чтобы золотистая влага текла из нее и несла всюду отблеск твоей отрады!

Взгляни, эта чаша хочет опять стать пустой, и Заратустра хочет опять стать человеком.

Это редкое качество Заратустры. Тысячи людей хотели стать сверхчеловеками — Буддами, Джинами, Христами, аватарами, — но Заратустра единственный за всю историю, кто хочет опять стать человеком. Попадав вершины, повидав глубины, познав предельное уединение, исполнившись мудрости, он хочет спуститься вниз и просто быть человеком среди людей — а не кем-то возвышенным.

Так начался закат Заратустры.

Этот *закат* Заратустры настолько уникален и примечателен, что, если только не найдется такой же смелый мудрец, судьбу человечества не удастся изменить.

Если бы все Гаутамы Будды и Иисусы Христы, все Моисеи и Мухаммеды вернулись к человечеству как обычные люди, они дали бы человечеству благородство, они дали бы ему великую смелость, они бы стали источниками огромного вдохновения. Но они высоко; расстояние к ним так велико, что это вызывает упадок духа. Не только они, но и их ученики всячески пытались увеличить это расстояние.

Например, Иисуса родила девственница: это приводит все человечество в уныние, ведь все вы рождаетесь в грехе, и один лишь Иисус родился не в грехе. Если он — единственный сын Божий, то кто тогда вы? Вы ему даже не двоюродные братья!

Почему Бог настолько скуп, что может позволить себе иметь только одного сына? Верит ли он в контроль рождаемости? Христиане же против этого. Нужно иметь хотя бы одну дочь! Но, оскорбляя всех женщин, Бог не может иметь дочери, и жены у него тоже нет; зато у него есть сын. Его сын ходит по воде; а вы этого не умеете. Он воскрешает мертвых; вы же этого делать не можете. Его распяли, но он возвращается — воскресает; вам же такое не под силу.

Естественно, расстояние слишком большое. Вы — простой человек; он — бог. В лучшем случае вы можете ему поклоняться. Он — унижение для вас. Он — большое оскорбление всему человечеству. И все чудеса — вымысел. Никто никогда этих чудес не совершал, но ради создания расстояния между вами и Иисусом его последователи ни перед чем не остановились.

Мухаммед умирает, но не как обычный человек. По сути, он не умирает так, как умирают люди, — он просто отправляется напрямиком на небо, живым. И не только он — он ведь восседает на коне, значит, конь тоже попадает напрямиком в рай. Это не какой-нибудь конь — это Хазрат, конь Мухаммеда. Вы не можете и подумать о том, чтобы попасть в ту же категорию.

Махавира никогда не потел. Он сорок два года нагишом путешествовал по пыльным дорогам под жарким индийским солнцем — особенно в Бихаре — и не потел! Такое возможно лишь в том случае, если его тело вместо кожи было покрыто пластиком, — ведь тело покрыто кожей, и кожа дышит, и потение — это процесс, необходимый для выживания; иначе вы умрете.

Потение — это защита. Когда слишком жарко, ваши поры начинают выделять воду из тела, чтобы тепло было направлено на испарение пота, а не на повышение температуры; ваша температура остается неизменной. Если тело не потеет, то температура будет постоянно подниматься. А подниматься — то особо некуда — от 36 до 43 градусов Цельсия. Каких-то семь градусов — и Махавира просто бы перегорел; он не смог бы остаться в живых. Но он также никогда не купался; в этом не было необходимости. Если не потеешь, то и душ незачем принимать.

Его кусает змея — и вместо крови выступает молоко. Однажды я присутствовал на джайнистской конференции, где передо мною выступал джайнистский монах. Он воспевал все чудеса Махавиры, и когда пришла моя очередь, я сказал: «Это были не чудеса. Достаточно не-

много пошевелить мозгами, чтобы понять, что если бы в теле Махавиры вместо крови циркулировало молоко, то оно могло бы выступить только через стопы. Но за сорок два года циркулирующее молоко превратилось бы в творог или в масло, даже в топленое масло. Но оно оставалось молоком! Выступило свежее молоко!

Но, быть может, это было нечто вроде молока из женской груди — однако в груди есть тончайший механизм для преобразования крови в молоко. Такое возможно, если вы настаиваете на том, что у Махавиры по всему телу были молочные железы».

Но это бессмыслица. Однако все... Мать Гаутамы Будды родила его стоя, и с этим еще можно смириться, потому что это не слишком большая проблема. Возможно, мать была немного безумной или что-то в этом роде; в противном случае, когда рождается ребенок, мать должна лежать на кровати — но не стоять. Тем не менее можно предположить, что женщина была безумной. Но Гаутама Будда при рождении тоже оказывается стоящим; он падает на землю — и стоит. Такое тоже иногда случается. Обычно сначала появляется голова, но иногда ребенок выходит ножками вперед. Если бы на этом история заканчивалась, то она была бы вполне правдоподобной, но тогда она бы произвела на вас не слишком сильное впечатление.

Но Будда прошел семь футов! Новорожденный ребенок, по сути, не может стоять, а он прошел семь футов. И не просто прошел; пройдя семь футов, он поднял глаза к небу и объявил: «Я — величайший будда, величайший просветленный прошлого, настоящего и будущего».

И это вызывает сильный упадок духа: ведь вам такое не под силу. Во-первых, вы уже родились. Вы можете попробовать в следующий раз, но эта жизнь уже утеряна. В этой жизни вы не можете стать пробужденными, поэтому просто готовьтесь к следующей жизни. Не забывайте, что именно вам нужно сделать.

Но все эти вымыслы преследуют определенную цель. Цель — настолько отдалить этих людей от человечества, чтобы вы в лучшем случае могли им поклоняться, но не могли бы даже мечтать о том, чтобы с вами произошло то же самое.

То, что сделал Заратустра, должен сделать каждый просветленный. Каждый просветленный должен вернуться в мир. Он в долгу перед миром. В долгу перед человечеством. Он родился человеком, и ему нельзя простить создание вокруг себя мифов или создание другими людьми мифов вокруг него, превращающих его в нечто невероятное.

Заратустра более человечный, более любящий, поэтому можно понять, почему он вернулся к человечеству. Он накопил столько мудрости, столько меда, что ему хочется одарять и наделять им. Он хочет снова стать пустым, потому что теперь он знает, что чем больше он отдает, тем больше существование будет в него вливать. Он может бесконечно проливаться, и у него по-прежнему будет преизбыток, которым он может делиться.

Тот, кто по-настоящему любит человечество, тот, кто утверждает жизнь, не осуждает, не отрицает; он ни у кого не вызывает чувства вины. Наоборот, он каждому помогает: «Что есть у меня, то сокрыто и в тебе». Он спускается для того, чтобы приободрить тех, кто готов, кто нуждается в каком-то наставлении, кто хочет познать путь, кто желает обнаружить свое самое потаенное сокровище.

Заратустру необходимо понять лучше ради блага грядущего человечества. Он — большее благословение, чем кто-либо еще.

...Так говорил Заратустра.

Литературно-художественное издание

ОШО

ВЛЮБЛЕННЫЙ В ЖИЗНЬ

Размышления о «Заратустре» Фридриха Ницше

Перевод: *Р. Черевко*

Редактор *А. Костенко*

Корректоры: *Т. Селезнева, Е. Яковенко*

Оригинал–макет: *Г. Булавко*

Обложка: *В. Смирнов*

ООО Книжное издательство «София»
115191, г. Москва, Гамсоновский пер., д. 2, стр. 1

Для дополнительной информации:
Издательство «София»
04073, Украина, Киев–73, ул. Фрунзе, 160

Подписано в печать 28.01.2015 г.
Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 11,76.
Тираж 6000 экз. Зак.

Отделы оптовой реализации
издательства «София»

в Киеве: (044) 492–05–10, 492–05–15
в Москве: (499) 317–56–22, 317–56–44
в Санкт–Петербурге: (812) 676–07–68

<http://www.sophia.ru>